

И. О. ГАВРИТУХИН

КОДЫНСКИЕ ФИБУЛЫ

(Типы и некоторые проблемы интерпретации)

I.1 Повод для предлагаемой работы — находка на поселении пражской культуры Кодын двух фибул (раскопки И. П. Рusanовой, Б. А. Тимошука в 1975 г.). Цель — подобрать им наиболее близкие аналоги («узкий вариант» по терминологии А. К. Амброза) и рассмотреть культурно-исторический и типологический контексты их появления.

I.2 Для характеристики группы вещей, повторяющихся во всех основных деталях, используется термин «тип» с добавлением имени собственного, отличая от других, весьма различных употреблений этого достаточно нейтрального семантически термина (образец, модель, форма — *typos*).

II.1. Тип Вильканцы. Группа VI по Альмгрену, воинские двуручные по Амбрузу, арбалетовидные. Тетива — нижняя; высокая, почти симметрично изогнутая, прямоугольная (узкой стороной наружу) в сечении дужка; сплошной приемник равен по длине ножке; железные; длина 6—8 см, ножка — 1/5—1/3 от общей длины, пружина — 4—10 оборотов.

II.2. Тип Пильвины. Отличается от предыдущего сечением дужки, оно округлое, а сама дужка перевитая и краплением пружинящего устройства оно осуществляется с помощью кольца, образованного расплющенной и загнутой верхней частью дужки; длина — 5—7 см, ножки — 1/4—1/2 от общей.

II.3. Датировки обычно сводятся к сопоставлению с фибулами, относящимися к периоду D по Тышлеру (IV—V, м. б. нач. VI вв.). К. Годловский показал, что начало периода D в Прибалтике синхронно периоду D по Центральноевропейской шкале. Проблема верхней границы периода D в Прибалтике остается пока открытой. Более узко датируемые комплексы укладываются в границы V в. н.э., скорее, даже его второй половины.

III.1. Приемник и общий характер профилировки рассматриваемых типов характерен для широкого круга фибул, развивающих формы рамчатых и т. п. типов в среде римского лимеса и так или иначе испытавших его влияние варваров. Традиция пружинящего устройства так же весьма расплывчата хронологически и территориально.

III.2. Происхождение перевитых и схожих с ними по облику дужек в Центральной и Северной Европе позднеримского времени, по мнению О. Альмгрена, связано с подражанием южнорусским фибулам, дужка которых была обмотана проволокой. Эта точка зрения воспроизведена М. Пардуцем и Т. Кольником (отказавшимся от ряда положений, связанных с этой гипотезой).

III.2.2 Но лучковые и др. фибулы с обмоткой были распространены к северу и западу от Черного моря не позднее III в. и были вытеснены яерняховскими (прогнутыми подвязанными и др.) типами, украшениями в совершенно ином вкусе: фасетировкой, проволочными кольцами, насечками и т. д.

III.2.3. Традиция обмотки дужки сохраняется как узколокольная, по-видимому, этнографическая, лишь у ряда групп, обитавших на Кавказе. Сведений об их продвижении на запад, а тем более, заметной роли в войнах на Дунае, нет. Ссылка М. Пардуца на «сарматское» погребение у ст. Пашковской не действительна, поскольку в тайнике этого погребения найдена двупластинчатая фибула, датируемая по Амброзу, не ранее чем VII в.н.э.

III.2.4. Более реальны прототипы, связанные с тенденциями эволюции украшений фибул, развивающих упомянутые провинциально-римские модели. Стремление к декоризации проявлялось в варьировании сечения спинки, распространении штампов, насечек, зернения, дробной фасетировки. Использование широко распространенного приема перевивания проволоки как украшения дужки вполне вписывается в общую стилистическую модель.

III.2.5. Указанная тенденция привела в конце концов к появлению литых пластинчатых фибул — следующему этапу в развитии застежек Европы.

III.3. Сечение дужки, характерное для типа Вильканцы, распространено довольно широко, хотя и не встречается часто. Использование этого признака в ряде классификаций не дало отчетливых результатов. Тем не менее, в определенных сочетаниях он достаточно характерен; здесь уместно вспомнить выделенный Х. Моора на основании интересующего нас сечения дужки локальный вариант арбалетовидных фибул с треугольной ножкой.

IV.1. Любопытна сочетаемость, удельный вес на памятнике, компактность основного района распространения фибул типов Пильвины и Вильканцы. (см. табл.). Можно предполагать, что эти фибулы отражают какую-то реальную историю

ческую общность. Маловероятен ее этнический характер, поскольку даже в районе основной концентрации они встречены на могильниках, по крайней мере, трех этнографических групп и не покрывают ареал ни одной из них полностью.

IV.2. Найдки интересующих нас фибул приурочены к гидросистеме, связывающей истоки р. Бебжи с нижним течением Вилии.

IV.3. Характерное для основного района распространения сочетание типов Пильвины и Вильканцы позволяет думать, что набор фибул, встреченных в Кодыне, неслучен и отражает какие-то контакты предполагаемой группы населения из юго-восточной Прибалтики со славянами.

V.1. Фибулы, схожие с типом Пильвины, известны на Среднем Дунае (некоторые примеры — см. рис. 1). Дунайские экземпляры не встречены более одного раза на памятнике, различаются деталями в конструкции и оформлении приемника, характером витья дужки, пропорциями, что позволяет полагать их производность от удивительного монолитного типа Пильвины. Все известные экземпляры бронзовые, и сделаны, по-видимому, на месте.

V.2. Группа фибул с перевитой дужкой намечена Т. Кольником для памятников периода центральноевропейского в юго-западной Словакии (рис. 1). От рассматриваемых фибул их отличает характер пружинящего устройства, традиционного для словацких, моравских и ряда других групп населения. Однозначно интерпретировать схожесть оформления дужки пока затруднительно, но имеющиеся материалы не противоречат предлагаемым в данной работе построениям и гипотезам.

V.3. Ряд находок недавнего времени еще раз обратили внимание на участие некоторых групп населения юго-восточной Прибалтики в событиях V в. н.э., связанных с Подунавьем (А. Таутавичюс, И. Вернер, В. И. Кулаков).

VI.1. А. К. Амброз писал о мощном среднедунайском импульсе в складывании выделенного им верхнеднепровского очага художественной металлообработки. Если предположить, что «траектория» этого импульса как-то опосредована Прибалтикой, то в один узел связываются находки в Хотыще, помимо вещей «верхнеднепровского» круга, янтаря, полное совпадение орнаментации фибулы из Спас-Перекши с оформлением навершия ножек из Таурапилса и обширной группы фибул из Подунавья, обломок фибулы типа Пильвины в Колодезном Бугре.

VI.2. В случае подтверждения гипотезы станет очевидной

важностью участка гидросети от Вилии, верховья которой недалеки от истоков ряда притоков Днепра, до Бебжи, впадающей в З. Буг и выходящей, таким образом, к Висле — традиционной дороге в Подунавье. Это дало бы новые возможности в понимании прибалтийско-дунайских связей, позволило полагать, что группа людей, носивших фибулы типов Пильвины и Вильканцы, связана с ключевым участком намеченного направления путей, более конкретно говорить о взаимоотношениях этой группы со славянами, оставившими памятники фазы IA пражской культуры (V в. н.э.), западная часть ареала которых включила, по разработкам И. П. Русановой, бассейн З. Буга и верхнего течения Вислы.

VII.1. Список фибул типа Пильвины.

1. Пильвины, Мядельский р-н, Минской, БССР. Курган 2.
2. Черная Лужа, Мядельский р-н, Минской, БССР. Курган 2.

3, 4, 5. Желядь, Мядельский р-н, Минской, БССР. Курганы 7, 10, 11.

6, 7. Аукштадварис, р-н Иезне, Лит. ССР. Вне комплексов, слой V—VIII вв.

8. Осова, пов. Сувалки, ПНР. Курган 55, погр. 1.

9. Воловня, пов. Сувалки, ПНР. Курган 5, погр. 1.

10. Колодезный Бугор, Новгород-Северский р-н, Черниговской, УССР. В слое с материалами эпохи бронзы, почепской культуры и, по-видимому, колочинской — середины I тыс. н. э.

11. Кодын, Глубокский р-н, Черновицкой, УССР. Найдена в 1,5 м от жилища 21 с материалами пражской культуры фазы IA.

VII.2. Список фибул типа Вильканцы.

1. Вильканцы (Вильконис), р-н Эйшишкес, Лит. ССР. Курган 6.

2. Черная Лужа, Мядельский, Минской, БССР. Курган 3, погр. 2.

3. Мойтыны, пов. Мрагово, ПНР.

4, 5, 6. Осова, пов. Сувалки, ПНР. Курганы 66, погр. 3; 50; 15, погр. 4.

7, 8. Швайцария, пов. Сувалки, ПНР. Курганы 18, погр. 4; 22, погр. 3.

9. Вяршвай, Каунас, Лит. ССР. Погребение 74.

10, 11. Шурпилы, пов. Сувалки, ПНР. Курганы XVIII; XV, погр. С1.

10а. Возможно, железный предмет, найденный совместно с № 10 — обломок такой же фибулы.

12. Воловня, пов. Сувалки, ПНР. Курган 3, погр. 7.

13. Колын, Глубокский р-н, Черновицкой, УССР. Жилище 10 — на полу, с керамикой фазы IA пражской культуры.

VII.3. Место фибул типов Пильвины и Вильканцы на памятниках, где они найдены.

памятник	степень его изученности	фи- бул пе- риод	тип Виль- канцы	тип Пиль- вины	%
Желядь	большая, часть курганов разрушено, раскопано — 12	5	3	6	0
Пильвины	раскопано 17 курганов	1	1	100	
Черная Лужа	известно до 80 курганов	2	1	1	100
Вильканцы	12 — раскопано				
Шурпилы 2	раскопано 7 курганов	1	1	100	
Швайцария	раскопано все 30 курганов опубликованы сведения о 64 курганах, это 6 ч. могильника	6/5/	4/3/		66/60/
Осова	раскопаны все 123 кургана	5	2		
Воловня	раскопаны сохранившиеся 7 курганов	7	3	1	57
Кодын 1	раскопано полностью, к фазе относится 14 жилищ	2	1	1	100
Колодезный	раскопано частично, к колочинской к-ре, относит.				
Бугор	возм., 1 постр., керамика в слое	1	1	100	
Аукштадварис	опубликовано выборочно, делать выводы невозможно			2	
Вяршвай	— " —				

Большая часть фибул из Швайцарии и Осовой относится к периоду С. Середи аналогов фибул типа Пильвины (№ 10), М. Качинский называет экземпляр из Кутова, пов. Хайнов, ПНР. Данные о ней остались мне недоступны.

VIII.1. В качестве подтипа в типе Вильканц следует, наверное, рассматривать экземпляры, в основном соответствующие § II.1., но выполненные в бронзе и меньшего размера. Есть у них и отличия, не учтенные в § II.1. Сведения о них включены в таблицу § VII.3. Их отдельное рассмотрение едва ли уточнит сейчас картину для типа, характеризуемого в целом. Вяршвай, Каунас, Лит. ССР. Погребение 113.— № 14, продолжая § VII.2.

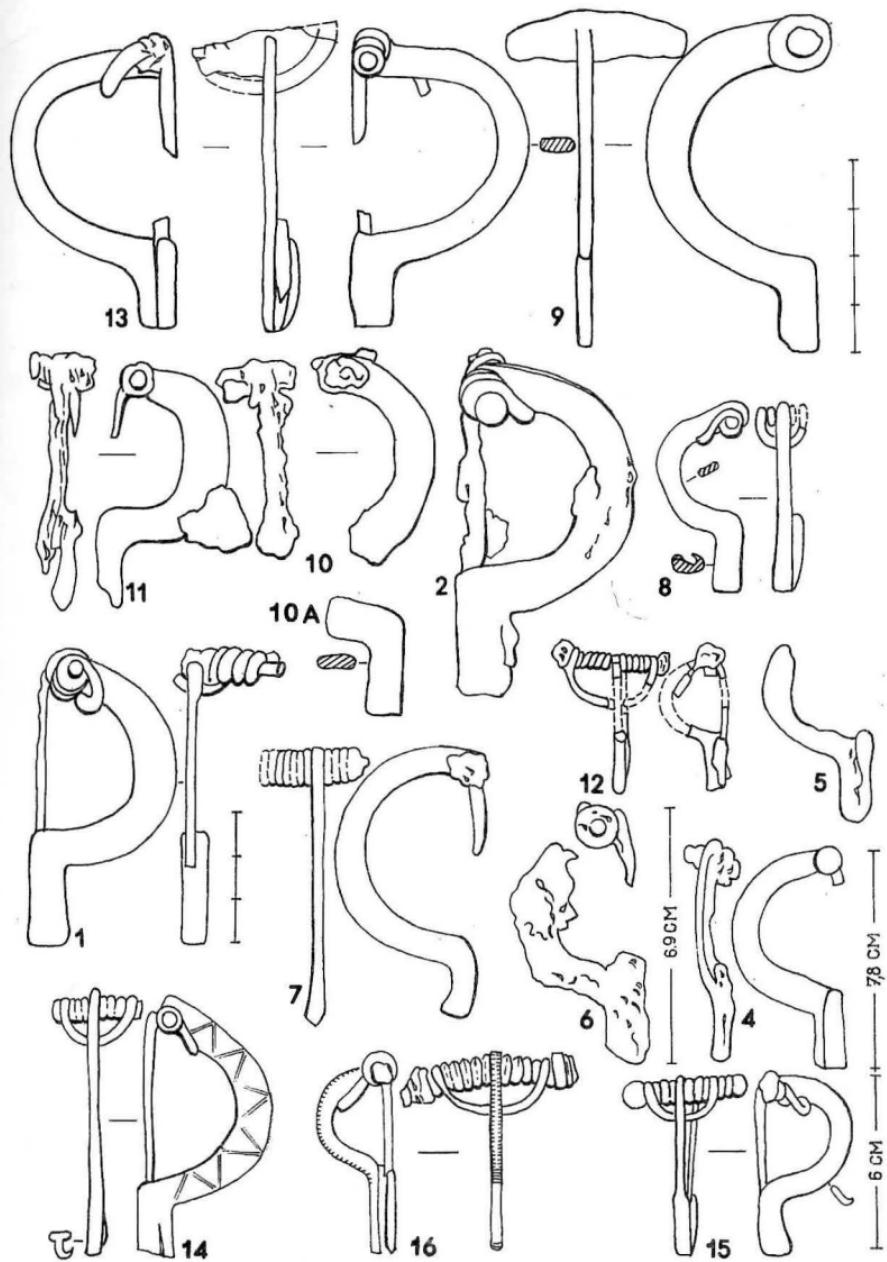

FIG. 1

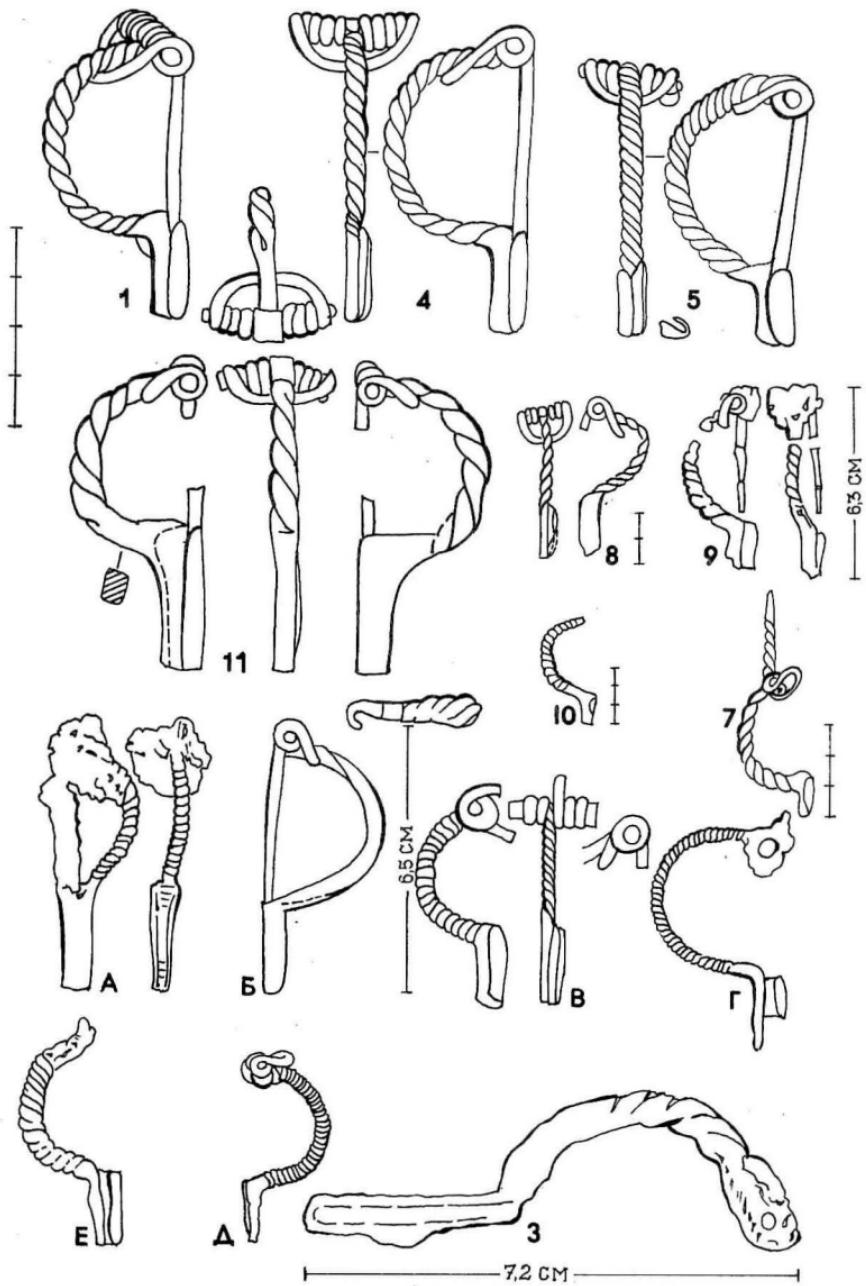

Рис. 2

15. Шурпилы, пов. Сувалки, ПНР. Курган XV. (См. § VII.2. № 10, 10 а).

16. Доброе, Зеленоградский р-н, Калининградской, РСФСР. Погребение.

17. Материалы могильника будут, наверное, опубликованы автором раскопок В. И. Кулаковым.

VIII.2. Детального рассмотрения фибул, схожих с типом Пильвины, но выполненных в бронзе и отличающихся рядом других особенностей, мною не производилось. Их распространение и культурный контекст делают необходимой отдельную работу. Здесь же ограничимся замечаниями в § V.1.

IX. Пояснения к рисункам:

— номера экземпляров соответствуют для рис. 1 — §§ VII.2. и VIII.1., а для рис. 2 — § VII.1.;

— буквами обозначены:

а/ Ченгард-Кендерфельдек, ВНР. Погр. 50;

б/ Берекхат-Чентес, ВНР. Погр. 106;

в/ Сиондское поле, ок. с. Братей, ВНР. Жилище с материалом гепидской культуры; Леопольдан, Вена, Австрия — г/

д/ Шали, Словакия, ЧССР, Объект XVIII с «сивой» керамикой IV—V вв.;

е/ Очков из разрушенных погребений, Словакия, ЧССР;

ж/ Зас, Словакия, ЧССР. Из пещеры с разновременным материалом.

Х. В работе использованы неопубликованные материалы и наблюдения А. К. Амброза, В. И. Кулакова, И. П. Русановой.

Л. КЛИМКА

РОЛЬ АСТРОНОМИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ БАЛТОВ

Астрономия среди других наук имеет исключительное значение: она стояла у колыбели рождения мыслящего человека. Наблюдение регулярно повторяющихся природных явлений: смены дня и ночи, фаз луны, годичного цикла сезонов — было тем первым обстоятельством, которое развивало мышление первобытного человека, привело к формированию абстрактных понятий, чувству времени, наконец, полу-